

Т. В. Залогина, Белозерск

ЦЕРКОВНАЯ ОБЩИНА В 20-30-е ГОДЫ XX в.

(По документам Белозерского историко-художественного музея)

Двадцатые и тридцатые годы нашего столетия - трагический период для православных приходов, попытка выжить в условиях нового режима и трагическая развязка. Документы Николо-Островской общины, чудом уцелевшие и хранящиеся в настоящее время в Белозерском историко-художественном музее, дают представление об этом периоде на примере судьбы конкретного прихода. Если учесть, что часть документов исполнительных органов составлена по общероссийским инструкциям, то судьба Николо-Островской общины в значительной степени типична и является еще одним проявлением трагедии русского православия в XX в.

Всего сохранилось 46 документов. Из них два плана церкви 1736 г. и смета на перестройку церкви 1839 г. Основная часть документов относится к периоду 1922-1939 гг. Это договоры общины на пользование молитвенным зданием и церковным имуществом, материалы проверок деятельности общины и сверок имущества, распоряжения Белозерского исполкома. Документы являются подборкой из папки НКВД.

Николаевский Островский приход был основан после закрытия Азатского Николаевского монастыря, существовавшего в XVI-XVII веках. Приход располагался при озерах Моткозадском, Озадском и Лозском, то есть с трех сторон окружался водой, что и зафиксировано в его названии. В настоящее время это территория Гулинского сельского самоуправления Белозерского района.

В 1743 г. в приходе была построена каменная церковь о трех престолах: основной - во имя св. Николая Чудотворца, придельные - во имя св. Григория, епископа Нисского и во имя Димитрия, митрополита Ростовского. В музее хранится план первоначального облика храма и план со сметой на перестройку храма 1839 г. (автор проекта и сметы - Матвей Макарьев). В смете на перестройку церкви особо оговорено, что лесные материалы, камень, песок заготовлены приходскими людьми, и расходы на это не предусматривались. На момент составления сметы на средства прихода уже были приобретены кирпич (55600 шт.), железо полосовое (30 п.), железо листовое (312 л.).

К 1865 г. храм был обнесен каменной оградой с пятью высокими башнями и шпилями из белого железа. У Святых ворот располагалась небольшая каменная часовня Казанской Божией Матери. Приход включал 29 деревень, число жителей - 991. Крестьяне в приходе занимались «рыбной ловлей и распиловкой дерев на плахи и тес»¹.

Советская власть принесла с собой новый порядок. Уже в 1919 г. была составлена опись церковного имущества и 15 марта 1920 г. храм, построенный на средства дедов и прадедов жителей волости, был передан прихожанам в аренду по акту². В 1922 г. из храма были изъяты серебряные вещи (чаша, лжица, дискос, звездица, два блюдца и ковшечек - 84-й пробы и кадило без пробы) и проведена проверка имущества³. 10 февраля 1925 г. после очередной проверки имущества община подала документы на новую регистрацию. Устав обязывал ежегодно представлять в отдел управления Череповецкого губисполкома списки членов общины. Особо оговаривалось, что община может быть закрыта «вследствие ареста части членов общины»⁴.

В 1926 г. вновь проведена проверка имущества⁵. В июле 1926 г. все сведения по общине передаются в административный отдел Белозерского уисполкома в виде дела за № 87⁶. Туда же представлялись и копии протоколов всех собраний общины⁷.

Число членов общины на 12 апреля 1926 г. - 956 человек, район деятельности общины вместе с хуторами и выселками составлял 36 населенных пунктов. Социальное положение членов общины по списку - «земледельцы, общественное положение и принадлежность к тому или иному сословию - крестьяне, имущественное положение - средняки, время присоединения к данному религиозному культу - с младенчества»⁸.

Во второй половине двадцатых годов XX в. Советская власть открыто взяла курс на закрытие храмов под предлогом плохого хранения церковного имущества, неуплаты аренды, аварийного состояния молитвенных зданий. В 1927 г. все прежние договоры с общинами на пользование храмами признаны недействительными. В волисполкомы была разослана новая инструкция о порядке регистрации религиозных обществ («Инструкция о порядке передачи по договору двадцаткам и религиозным общинам зданий культа, утверждения и регистрации уставов религиозных обществ, надзора за их деятельностью»), приказ Уполномоченного НКВД по Ленинградской области от 20 августа 1927 года №16/(X)⁹. В инструкции приведен образец договора с общиной на пользование храмом и церковным имуществом. Все храмовое имущество объявлялось народным достоянием. Первый же пункт договора обязывал всех его подписавших нести «ответственность за целостность и сохранность врученного имущества»¹⁰. Николо-Островский храм прежде сохранялся и ремонтировался почти двести лет без вмешательства государственных властей. Часть пунктов договора преследовала цель нераспространения православия, при этом грубейшим образом подрывались основы жизни православного христианина: «Обязуемся не допускать преподавание религиозных вероучений лицам, не достигшим совершеннолетия»¹¹. Этот пункт договора по сути дела раскалывал православную семью на родителей, имеющих право посещать храм, и детей, не имеющих права ни на посещение храма, ни на домашнюю

молитву с родителями. «Обязуемся не допускать перенесения каких-то бы ни было предметов культа для каких бы то ни было целей без особого всякий раз на то письменного разрешения»¹², - таким образом, резко ограничивалась возможность проведения молебнов в поле, освящения домов, домашних животных и т. д. В 20-е годы эти обряды еще проводились и были необходимы крестьянству. Право пользования колокольнями теперь также ограничивалось местным Советом, то есть под власть бюрократии попадал и порядок проведения богослужений. Нам, выросшим в атеистическом государстве, даже сейчас трудно осознать весь трагизм и нелепость ситуации, в которую ставила верующих эта инструкция. Договор с общинами продуман так, что верующие, соблюдающие нормы жизни православного христианина, так или иначе нарушали его условия и создавали прецедент для расторжения договора и закрытия храма.

Документы на регистрацию общины в 1933 г. включали в себя заявление с подписями учредителей, список учредителей, анкету служителя культа и договор на использование здания культа¹³. Перед регистрацией общины вновь была проведена сверка имущества, причем в акте сверки отмечена необходимость проведения мелкого ремонта в храме¹⁴.

Все эти смутные годы в храме служил священник Петр Михайлович Сретенский (дата рождения 7.01.1879 г.). Известно, что Петр Михайлович - выпускник Белозерского духовного училища 1894 г., по окончании которого был переведен в Новгородскую духовную семинарию¹⁵. По данным анкеты, о. П. М. Сретенский бессменно служил в Николо-Островском храме с 1914 г., его годовое жалованье составляло 600 рублей и 30 пудов хлеба. Дом священника находился в хуторе Бережок. На 1926 г. в семье Сретенских проживали сам Петр Михайлович, жена Елизавета Павловна, ее сестра Анна Александровна и прежний священник Павел Саввич (78-ми лет)¹⁶. В 1929 г. о. П. М. Сретенский был осужден по ст. 133 ч.1 УК, но и после этого службу в храме не оставил.

В 1934 г. храм закрывался, но по оформлению всех документов вновь был открыт 5.04.34 г¹⁷. В июне 1934 г. оставшиеся металлические предметы из храма должны были пройти проверку в белозерском магазине «Торгсин», в том числе книги с металлическими накладками «на проверку определения металла»¹⁸.

Октябрь 1934 г. ознаменовался полным прекращением колокольного звона в районе по решению президиума Белозерского райисполкома (с 3.10.34 г.), в храмах началось снятие колоколов¹⁹. Колокола весом до 16 кг предписывалось использовать на местах для сигнализации, остальные сдавать в металлолом. В Гулинском сельсовете техники райисполкома передали местным властям один колокол весом 15 кг с церкви Троицы²⁰ и 4 колокола общим весом 60 кг с Николо-Островской церкви (18-19 октября 1934 г.)²¹. Жительни-

ца д. Ватаманово Петрова Миропия Александровна (1912 г.р.) вспоминает, что когда с церкви сбросили большой колокол, он наполовину ушел в землю.

С 1935 г. все документы вышестоящих органов направлены на закрытие храма. Эта цель уже практически ничем не прикрывалась. 20 января 1935 г. председатель Гулинского сельсовета закрывает храм по причине того, что «ремонт не производится и, кроме того, религиозная двадцатка развалилась, т. е. не полная»²². Это решение было подкреплено осмотром здания 29 января 1935 г. собранной из местного населения так называемой технической комиссией. В акте комиссии перечислен необходимый в храме ремонт стоимостью около 6000 рублей и сделан вывод о недопустимости пользования храмом без проведения ремонта²³. Кроме того, составлен акт о том, что за 8 дней после закрытия церкви новая двадцатка не создана и документов на ее регистрацию не подано²⁴. Райисполком (РИК) потребовал, кроме различных уточнений, протокол собрания населения по вопросу закрытия церкви²⁵. Поводом к этим январским событиям стало письмо из РИКа с грифом «не подлежит оглашению», которое предписывало произвести техосмотры молитвенных зданий с целью определения невыполненных ремонтов и возможности проведения службы²⁶. Авторы письма прекрасно знали положение дел на местах и прогнозируемый результат. В случае с Николо-Островской церковью заданная цель оказалась блестяще выполненной. К 4 июля РИК собирал сведения о результатах проведенной акции. Председатель Гулинского сельсовета, подробно описав ситуацию по требуемым пунктам, рапортовал, что «верующие могут справлять религиозные обряды» в Родионовской церкви (в 4 км) и Пречистовской церкви (в 5 км)²⁷. Предварительно, 14 июня 1935 г., акт о техническом состоянии храма составила более солидная, чем прежде, комиссия, в состав которой вошли техник Белозерского РИКа, секретарь сельсовета, представители от колхоза и комсомола и два человека из двадцатки²⁸.

Из документов очевидно, что весь 1935 год «храм не работал». Сведения по 1936 году лишь на 13 апреля - «храм не работал»²⁹. Удивительно, но в зловещем 1937 году двадцатка вновь была создана (протокол собрания от 7.04.37 г.)³⁰, но, по всей видимости, ненадолго. Возможно, ей уже не удалось пройти регистрацию.

16 августа 1939 г. очередная комиссия произвела очередной техосмотр здания и пришла к выводу, что использовать его под иные цели ввиду плохого состояния нельзя, поэтому его необходимо срочно разобрать на строительный материал³¹. Народная молва гласит, что разборка церкви закончилась трагически: упавший камень перебил одному из работавших позвоночник. Возможно, поэтому остов храма сохранился до наших дней. По сообщению М. А. Петровой, о. П. М. Сретенский был сослан в Новоезерскую тюрьму, где и умер. А матушка Елизавета Павловна до конца выполняла свой долг, продолжая крестить детей на дому. Последние годы жизни она провела в д.Кема:

«Попадья в Кеме умерла. Как ее садом ихним несли, так ветер-то как хватил, прямо к земле гнет, а пронесли, так утихло. Говорят, Бога-то нет, а все от Бога»³².

После закрытия храма инструкция предписывала иконы сжечь или раздать населению. Часть икон Николо-Островской церкви была взята населением: кто брал для сохранения, а кто и для строительных целей. М. А. Петрова вспоминает: «Боги-то большие были, так крылечки делали, по земле стелили, так их Бог и прибрал»³³. Сама Миропия Александровна более шестидесяти лет хранила на чердаке две церковные иконы и две резные головки ангелов. Одна из церковных икон в 2000 году была передана местными жителями в музей. Ее также когда-то использовали в качестве доски в сарае.

Таким образом, документы Николо-Островской церкви из фондов Белозерского историко-художественного музея дают нам подробную картину сосуществования церковной общины и Советской власти в 20-е и 30-е годы XX столетия. Несмотря на все преграды, церковная община сумела продержаться пятнадцать лет. Не сумев победить ее путем пропаганды и ограничительных мер, Советская власть приняла самые решительные меры, закрыв храмы и репрессировав духовенство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Богословский Н. Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губернии, собранные из описаний приходов и волостей // Новгородский сборник / Изд. Новгород. стат. ком. Новгород, 1865. Вып.1. С.215.

² Белозерский историко-художественный музей (БИХМ). Ф.3. Оп.1. Д.2. Л.4-5.

³ Там же. Л.6-8.

⁴ Там же. Л.10 об.

⁵ Там же. Л.11-12.

⁶ Там же. Л.29.

⁷ Там же. Л.31 об.

⁸ Там же. Л.13.

⁹⁻¹² Там же. Л.32.

¹³ Там же. Л.40-49.

¹⁴ Там же. Л.50.

¹⁵ Бронзов А. А. Белозерское духовное училище за сто лет его существования (1809-1909). Т.1. Сергиев Посад, 1909. С. 675.

¹⁶ БИХМ. Ф.3. Оп.1. Д.2. Л.27.

¹⁷ Там же. Л.64.

¹⁸ Там же. Л.66.

¹⁹ Там же. Л.67.

²⁰ Там же. Л.68.

²¹ Там же. Л.69.

²² Там же. Л.71.

²³ Там же. Л.72.

²⁴ Там же. Л.73.

²⁵ Там же. Л.74.

²⁶ Там же. Л.70.

²⁷ Там же. Л.78.

²⁸ Там же. Л.76.

²⁹ Там же. Л.83.

³⁰ Там же. Л.85.

³¹ Там же. Л.86 об.

³²⁻³³ Гулинский с/с., д.Ватаманово, М. А. Петрова, 1912 г.р., уроженка д. Горка.